

УДК 821.61.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-93-98

ОПЫТ Н. С. ГУМИЛЁВА В ПЕРЕВОДЕ «ДОН ЖУАНА» ДЖ. Г. БАЙРОНА

Смирнова А. С.

независимый исследователь,

г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Провести объективный критический разбор перевода отрывка из поэмы, выяснить, что могло стать причиной творческой неудачи.

Процедура и методы. Проанализирован перевод, рассмотрены произведения Н. С. Гумилёва, факты его биографии и воспоминания современников, указывающие на то, какое место образ Дона Жуана занимал в его творчестве. Методологической основой выбраны литературно-исторический и биографический подходы.

Результаты. На основе проведённого исследования сделано предположение, что причинами творческой неудачи могли быть как общественно-политическая ситуация, так и потеря интереса поэта к образу Дона Жуана, созданному Дж. Г. Байроном.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведён анализ малоизвестного перевода, проиллюстрирована эволюция образа Дона Жуана в творчестве Н. С. Гумилёва.

Ключевые слова: Н. С. Гумилёв, Дж. Г. Байрон, Дон Жуан, неизвестный перевод, художественный перевод

N. GUMILEV'S EXPERIENCE IN TRANSLATION OF G. BYRON'S POEM "DON JUAN"

A. Smirnova

An independent researcher,

Moscow, Russian Federation

Abstract

Aim. We conduct an objective critical assessment of the translation of an extract from the poem in order to find out what could be the reason of the artistic failure.

Methodology. The translation is analyzed for the first time. We analyze the works of N. Gumilev, the facts of his biography and the memoirs of his contemporaries, indicating the place of the image of Don Juan in his works. As a methodological basis, the literary-historical and biographical approaches are used.

Results. Based on the study, we suggest that the cause of creative failure could be due to the socio-political situation and, at the same time, to loss of poet's interest to the image of Don Juan created by G. Byron.

Research implications. We have performed an analysis of a little-known translation for the first time and illustrated the development of the image of Don Juan in the work of N. Gumilev.

Keywords: N. Gumilev, G. Byron, "Don Juan", unknown translation, literary translation

Введение

Благодаря М. Л. Гаспарову у современных читателей появилась возможность увидеть небольшую часть поэмы Дж. Г. Байрона «Дон Жуан» в переводе одного из крупнейших авторов Серебряного века – Николая Степановича Гумилёва. В 1991 г. он опубликовал отрывок из поэмы [2, с. 211–221], а также указал, что машинописный текст незаконченного перевода «Дон Жуана», выполненного Гумилёвым, хранится в РГАЛИ, в фонде издатель-

ства «Academia». Об истории работы над переводом он сообщает: «Гумилёв перевёл, и неплохо, пролог и первые 42 строфы I песни. Затем, по-видимому, он передал работу Адамовичу (под своей редакцией), и Адамович, начав с 50-й строфы I песни, довёл перевод до конца III песни. Дальше дело не пошло. Гумилёв погиб, Адамович и Иванов эмигрировали, неизданные их переводы так и остались неизданными ..., а об изданных их переводах предпочитали не упоминать. Во «Всемирной литературе» «Дон Жуан» был переиздан в старом переводе П. Козлова; впрочем, перевод этот по сравнению с предыдущими изданиями сильно отредактирован, но кем – неизвестно» [2, с. 212].

Рукописный вариант перевода хранится в РГАЛИ в фонде Н. С. Гумилёва (Ф. 147. Оп. 1. № 36). В целом он совпадает с машинописным текстом (Ф. 629. Оп. 1. № 326а), содержащим небольшие правки Гумилёвым от руки, которые в основном касаются орфографических ошибок, особенно в написании имён собственных; в конце строфы 42 песни I карандашом вписаны латинские слова “Formosum Pastor Corydon” (Пастух Коридон к красавцу). Машинопись состоит из 17 листов. Орфография современная; исключение составляют некоторые варианты написания имён собственных и нарицательных (Хозе, Аррагонка и др.). Пунктуация приведена к современным нормам, кроме отдельных случаев, рассмотренных как авторский знак.

Перевод был опубликован К. Г. Корконосенко в 2007 г. в журнале «Русская литература» [3, с. 173–183] с примечаниями относительно истории создания перевода, но без критического разбора самой работы, и год спустя в полном собрании переводов Гумилёва, составленном В. С. Полушиным¹. Никаких попыток его проанализировать на сегодняшний день обнаружено не было.

Данное исследование написано с целью показать особенности перевода отрывка

из поэмы «Дон Жуан» Гумилёвым, а также попытаться выяснить, основываясь на его переводческих принципах и пристрастиях, почему была выбрана для перевода именно эта поэма и по какой причине поэта постигла творческая неудача.

«Дон Жуан» Дж. Г. Байрона в переводе Н. С. Гумилёва

Первая же интерпретация поэтом образа Дона Жуана необычна. В стихотворении «Он поклялся в строгом храме», вошедшем в сборник «Жемчуга» 1910 г., лирический герой обещает быть верным «даме, той, чьи взоры непреклонны», но растрчивает свою жизнь в случайных связях, потому что нигде такой дамы не встретил; она существует лишь в его мечтах. Гимназическая подруга А. А. Ахматовой В. И. Срезневская пишет в мемуарах: «Помню, раз мы шли по набережной Невы с Колей и мирно беседовали о чувствах женщин и мужчин, и он сказал: “Я знаю только одно, что настоящий мужчина – полигамист, а настоящая женщина моногамична”. – “А вы такую женщину знаете?” – спросила я. “Пожалуй, нет. Но думаю, что она есть”, – смеясь, ответил он» [6, с. 9].

В тот же сборник «Жемчуга» 1910 г. вошёл сонет «Дон Жуан». В первом четверостишии перед нами предстаёт классический Дон Жуан, искатель приключений и любовных побед. Однако настроение резко меняется: герой начинает задумываться о будущем, намерен «в старости принять завет Христа». Наконец, завершающие терцеты показывают нам совершенно новый образ Дона Жуана, склонного к самоанализу. Резко оказывается, что за маской жизнерадостного развратника скрывается человек, мучимый страхом и осознанием собственного ничтожества.

Пониманию образа способствует не только эстетический, но и личный интерес Гумилёва к герою, ощущение близости к нему. Друг поэта Н. С. Оцуп в диссертации о писателе пишет: «Теперь нашли бы у Гумилёва фрейдовский комплекс: считая себя уродом, он тем более *старался про-*

¹ Гумилёв Н. С. Собрание переводов: в 2 т. / сост. В. С. Полушин. М.: Терра, 2008.

слышь донжуаном, бравировал, преувеличивал» [5, с. 84].

В творческом наследии Николая Степановича часто поднимается тема тоски по прекрасной и верной женщине, страха разочарования, горечи утраты, беспокойства о будущем. Эти качества он передаёт герою сонета [4].

В 1911 г. на свет появляется пьеса «Дон Жуан в Египте». На этот раз перед нами привычный читателю, беспечный, не склонный к размышлениям Дон Жуан. На первый взгляд сюжет незатейлив – украденная из-под носа Лепорелло невеста и абсолютное восхищение со стороны жениха, который восклицает, что хотел бы «опять служить у Дон Жуана». Однако соотнесённые с реальными прототипами герои любовного треугольника предстают в несколько ином свете. В образе Дона Жуана можно увидеть самого Н. С. Гумилёва, под мисс Покэр, столь легко соблазнённой, следует понимать А. А. Ахматову, а под незадачливым соперником-египтологом – В. К. Шилейко, ставшего консультантом Гумилёва при переводе «Эпоса о Гильгамеше», который, невзирая на тогдашнее поражение в борьбе за сердце Ахматовой, был её вторым мужем.

Вне всякого сомнения, смысл пьесы нельзя свести к одному только переносу личных отношений в экзотическую среду. Но на этом примере можно ещё раз убедиться, насколько образ Дон Жуана близок поэту, и перейти непосредственно к переводу «Дон Жуана» Дж. Г. Байрона.

Посвящение открывает строфа, которой нет в оригинале, написанная Гумилёвым на обороте листа рукописи первой песни:

О, если б я простой землёю был,
А не костями, кровью, чувством, страстью,
Я прошлое тогда бы позабыл –
Что ж до грядущего – (но я к несчастью
Пишу, тогда как слишком много пил
И над собой не обладаю властью)
Так вот, пути грядущего горды,
Давайте же мне содовой воды.

В собрание переводов Гумилёва, составленное В. С. Полушиным, входит и эта строфа.

Что касается непосредственно самого перевода, он имеет некоторые черты вне традиций художественного перевода. Смысл текста местами передан неверно, местами затемнён настолько, что трудно понять, о чём идёт речь. Первый пример тому мы видим уже в посвящении, в строчках, в которых Байрон иронически сравнивает поэтов Озёрной школы с запечёнными в пирог дроздами:

A nest of tuneful persons, to my eye
Like four and twenty blackbirds in a pye,
Which pye being opened they began to sing

(Выводок этих сладкозвучных поэтов, на мой взгляд – всё равно что двадцать четыре дрозда, запечённых в пирог; когда пирог разрезали, они запели).

“Blackbird pie” – блюдо, действительно существовавшее и упоминаемое, в частности, в такой кулинарной книге, как *Epulario* (1598). Это пирог, в который запекали живых дроздов, на чём и построено сравнение Байрона. У Гумилёва видим:

По мне же сладкие поэты эти –
Всего две дюжины дроздов в паштете.
Паштет открыт, и звуки потекли.

Трудно представить себе, какие потекут звуки, если открыть паштет, приготовленный из птиц, и причина, по которой Гумилёв решил заменить пирог паштетом, не вполне понятна.

Неясно также, что означает строка «Уотсворд блаженствует своим на чаем» в оригинале – “and Wordsworth has his place in the Excise”, т. е. «И Вордсворт получил место в акцизе») в шестой строфе Посвящения. Нередки неправильно поставленные ударения: «У ваших коней – крылья» (8), «И Соути скверно их поёт судьбы» (16).

В целом перевод первой главы полон тех же недостатков, что и перевод Посвящения. Вот строки из первой строфы:

... нам каждый день героя шлёт,
Но тотчас вслед газетного бряцанья
Нам открывается, что он не тот.

Мысль оригинала проста:

When every year and month sends forth a new one,
Till, after cloying the gazettes with cant,
The age discovers he is not the true one
(Когда каждый год и месяц посылает нам но-
вого, пока, пресытившись лицемерием газет, со-
временники не поймут, что он не тот).

И наречие «вслед», и несвойственное га-
зетам «бряцанье» здесь явно неуместны. В
следующей строфе смысл авторского тек-
ста не только затемняется, но и существен-
но искажается. Байрон называет британ-
ских героев «девятью поросятами одной
свиньи» (nine farrow of that sow), указывая
таким образом на их общность; Гумилёв
же переводит это как «пришли, подоб-
но ... поросьятам, маткой убиенным», и по-
добное сравнение ни о чём не говорит рус-
скоязычному читателю.

Столь же неясен смысл двадцать второй
строфы:

Жаль, если умной девушке найти
Пришлось другого человека в муже.

Если интерпретировать эти строки как
несбывшиеся мечты девушки о том, что
супруги станут «единой душой, живущей
в двух телах», значение следующих двух
строчек становится ещё непонятнее:

И если он воспитан и в чести,
Но споров не выносит, тем ей хуже.

Смысл английского текста совсем иной:

Tis is pity learned virgins ever wed
With persons of no sort of education,
Or gentlemen, who, though well born and bred,
Grow tired of scientific conversation:
(Жаль, что учёные девы порой выходят замуж
за людей необразованных или таких джентльме-
нов, что, невзирая на хорошее воспитание, уста-
ют от умных разговоров).

В двадцать седьмой строфе

Вдруг доказать, что муж её помешан,
Инесса попыталась докторам.

В оригинале она доказывает это не док-
торам, а с помощью докторов:

For Inez call'd some druggists and physicians,
And tried to prove her loving lord was mad
(Инес собрала аптекарей и медиков и попыта-
лась доказать, что её любящий супруг сошёл с ума).

Смысл тридцать первой строки ещё бо-
лее замутнён:

И если наши ссоры кучу басен
Забывших снова выведут на свет,
Я отвечать за это не согласен,
Так принято – да и другие нет.
К тому ж в сравненье с ними всяк прекрасен,
А он мечтал об этом столько лет.

Кто этот загадочный «он», нам не отве-
тит и оригинальный текст:

And if your quarrels should rip up old stories,
And help them with a lie or two additional,
I 'm not to blame, as you well know—no more is
Any one else – they were become traditional;
Besides, their resurrection aids our glories
By contrast, which is what we just were wishing all.
(И если в ваших ссорах всплывут старые вос-
поминания, к которым прибавится ложь-другая,
я в этом, сами понимаете, виноват не больше, чем
кто-нибудь другой. Такова традиция. К тому же
разоблачение чужих грехов возвышает в проти-
вовес им наши добродетели, чего мы все хотим).

Множество вопросов вызывает фраза
«перед очагом ... где лары бедные в кусках
лежали» (тридцать шестая строфа). Лары –
древнеримские божества, покровитель-
ствующие дому и семье. Таким образом,
от семейного счастья Дона Хозе остались
одни осколки, и эти божества (household
gods), разбитые вдребезги, лежат вокруг
потухшего домашнего очага (shiver'd round
him). В переводе же они оказались непо-
средственно в самом очаге и к тому же в
кусках неизвестно чего.

Кроме того, в переводе встречаются не красиво и даже неграмотно построенные фразы: двух его любовниц *разобрали* ... пастор и еврей (34); ходил *на тир* (40); неуместные эпитеты: развод *прекрасный* (32), толпы, *в законах поседелой* (33); и неправильно поставленные ударения: *зачал* нам Жуана (9; почему *нам?*), утонченностях (10), о зарождении видов (40).

Заключение

Единственный на сегодняшний день существующий отзыв о переводе Н. С. Гумилёва – замечание Гаспарова «довольно неплохо», и его нельзя назвать несправедливым. Предшествующим переводам Д. Д. Минаева (1866) и П. А. Козлова (1889) версия Гумилёва не уступает, а в поэтичности даже их превосходит. Наиболее удачными можно назвать третью, четвёртую, двенадцатую, двадцать третью и двадцать шестую строфы. Здесь мысль, заложенная в оригинале [1; 7; 8], передана ясно, верно, хорошим чётким языком, со-

хранены стиль, метафоры и ирония оригинала.

Автор данного исследования позволил себе охарактеризовать перевод как «творческую неудачу» лишь относительно того, каким выдающимся теоретиком и практиком художественного перевода является Н. С. Гумилёв. Объективная оценка труда поэта не означает его отторжения.

Трудно сказать, почему в данном конкретном случае он допустил несколько грубых недочётов. Возможно, мы имеем дело лишь с черновыми набросками, которые переводчик позже планировал доработать, но трагическая гибель помешала ему завершить начатое. Но, вероятно, ему просто не был близок именно байроновский Дон Жуан, пассивный и не склонный к размышлениям, в отличие от героя произведений самого Гумилёва, и отсутствие этой близости сказалось на переводе.

Статья поступила в редакцию 31.07.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальмонт К. Д. Тип Дон Жуана в мировой литературе // Иностранная литература. 1999. № 2. С. 99–184.
2. Гаспаров М. Л. Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик Байрон и мировая литература. М.: Наука, 1991. С. 211–221.
3. Корконосенко К. С. Неопубликованные переводы Николая Гумилёва: отрывки из «Дон Жуана» Байрона // Русская литература. 2007. № 1. С. 173–183.
4. Лукницкая В. К. Николай Гумилёв: по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990. 356 с.
5. Оцуп Н. С. Н. С. Гумилёв // Николай Гумилёв в воспоминаниях современников / под ред. В. Крейда. М.: Вся Москва, 1990. С. 84–85.
6. Срезневская В. С. Дафнис и Хлоя // Воспоминания об Анне Ахматовой: сборник. М.: Советский писатель, 1991. С. 5–18.
7. Driver S. Nikolai Gumilev's Early Dramatic Works // Slavic and East European Journal. 1969. Vol. 13. № 3. P. 326–345.
8. Mandel O. The Theatre of Don Juan: A Collection of Plays and Views, 1630–1963. Nebraska: University of Nebraska Press, 1986. 731 p.

REFERENCES

1. Balmont K. D. [Type of Don Juan in World Literature]. In: *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 1999, no. 2, pp. 99–184.
2. Gasparov M. L. [Unknown translations of Byron's Don Juan]. In: *Velikii romantik Byron i mirovaya literatura* [Great romantic Byron and World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 211–221.
3. Korkonosenko K. S. [Unpublished translations of Nikolay Gumilev's abstracts from "Don Juan" of Byron]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 2007, no. 1, pp. 173–183.
4. Luknitskaya V. K. [Nikolay Gumilev: On Materials of Home Archives of The Luknicky]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1990. 356 p.

5. Otsup N. S. [N. S. Gumilev]. In: Crade V., ed. *Nikolay Gumilev v vospominaniyakh sovremennikov* [Nikolay Gumilev in Memories of his Contemporaries]. Moscow, Vsyazhskaya Publ., 1990, pp. 84–85.
6. Sreznevskaya V. S. [Dafnis and Hloya]. In: *Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi* [Memories of A. Akhmatova]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1991, pp. 5–18.
7. Driver S. Nikolai Gumilev's Early Dramatic Works. In: *Slavic and East European Journal*, 1969, vol. 13, no. 3, pp. 326–345.
8. Mandel O. *The Theatre of Don Juan: A Collection of Plays and Views, 1630–1963*. Nebraska, University of Nebraska Press, 1986. 731 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнова Александра Сергеевна – преподаватель-исследователь, независимый исследователь;
e-mail: alexandra3007lm@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandra S. Smirnova – Research Lecturer, Independent Researcher;
email: alexandra3007lm@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Смирнова А. С. Опыт Н. С. Гумилёва в переводе «Дон Жуана» Дж. Г. Байрона // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 4. С. 93–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-93-98

FOR CITATION

Smirnova A. S. N. Gumilev's Experience in Translation of G. Byron's Poem "Don Juan". In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2021, no. 4, pp. 93–98.
DOI: 10.18384/2310-7278-2021-4-93-98